

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В первые дни войны старшему майору государственной безопасности П. А. Платову было поручено возглавить разведывательно-диверсионную работу в тылу стремительно наступающей германской армии. В НКВД была сформирована особая группа, одной из главных целей которой являлось создание мощной и многочисленной оперативной группировки, предназначенной для заброски в тыл врага. По предложению старшего майора Платова приказом наркома внутренних дел СССР, генерального комиссара госбезопасности Л. П. Берии для ее укомплектования из тюрем и лагерей были освобождены сотни опытных боевых офицеров. Именно они составили костяк вновь созданного формирования. Основными задачами группировки являлось проведение диверсионных операций, организация партизанской войны, создание нелегальных агентурных сетей на оккупированных территориях, дезинформация противника.

В результате упорной, напряженной работы в тыл врага было направлено около пятнадцати тысяч человек. В состав этой группировки входили как

крупные, так и небольшие отряды и группы. Они насчитывали от десяти-двенадцати до нескольких тысяч бойцов. Это зависело от тех конкретных задач, которые им предстояло решать, постоянно рискуя жизнью. За линией фронта начал активную деятельность диверсионный отряд «Удар», сформированный из двадцати боевых групп.

ГЛАВА 1

Четверг 7 мая 1942 года выдался теплым и безветренным. В лесу порхали и щебетали птицы, на Луховом болоте иногда хлопали пузыри воздуха, показывающиеся из черной топкой бездны.

Красноармеец Лесин осмотрел через прорехи в кустах поляну, сменил положение. Вести наблюдение за подходами к базе группы «Удар-15» он мог только лежа. Дозорный знал, что враг был способен выйти к его посту исключительно по этой лесной поляне довольно больших размеров. Обойти ее не получится. Она метров на двадцать слева и справа граничит с болотом. А там смерть.

Евгений достал кисет с махоркой, понюхал его и вздохнул. Ему очень хотелось курить, но делать это было нельзя. А до смены еще три часа.

Он устроился поудобнее, пододвинул к себе «ППШ» и вновь бросил взгляд в сторону леса, где тропа уходила к районному центру, поселку Копино. Впрочем, тропа — это громко сказано. С ходу и не заметишь, особенно если не знаешь о ее существовании.

Лесин хотел было перевести взгляд на западную опушку, но увидел, как шевельнулись ветки густо-

го кустарника. Если это птица, то не меньше орла, а тут они не водятся. Он подтянул к себе автомат, взвел его, припал к прикладу. Движение повторилось восточнее, ближе к болотам.

Красноармеец внимательно следил за кустами. Кто там? Кабан? Лось? Животное не стало бы осторожничать в девственном лесу, шло бы напролом. Значит, человек. Кто? И один ли он?

Лесин навел прицел на куст у березы, куда шло движение, и тут раздался мальчишечий голос:

— Дяденька, не стреляй! Это я, Кирюха Легаев, до вас пришел.

Боец диверсионной группы молчал. Он знал пацана, являющегося связным между группой и человеком в поселке. Но один ли он пришел, нет ли с ним отделения полицаев или, еще хуже, эсэсовцев? О своем приходе Кирюха должен был оповестить криком утки, а тут голос, причем испуганный.

— Дяденька, я не могу крикнуть уткой. Я выйду, а ты не стреляй. Со мной никого нет, честное пионерское.

Лесин молчал.

Паренек решил, вышел из кустов. Было еще холодно, а он босой, в широких штанах и плотной рубашке. Занятно смотрелась на его голове кепка, явно размера на два больше, чем надо.

Дозорный осмотрел паренька, перевел взгляд на кусты. Там только птицы перепрыгивали с ветки на ветку, с куста на дерево и обратно.

Пацан подошел метров на десять, остановился и проговорил:

— Да здесь ли ты, дяденька? Чего молчишь? Не видишь, один я.

— Шагай, но не спеши! — тихо сказал Лесин.

Паренек приблизился к нему.

Лесин спросил, оставаясь в укрытии и продолжая отслеживать обстановку:

— Почему не можешь подать условный сигнал?

— Да я потерял манок.

— Не бреши!

— Голову даю на отсечение.

— Голову, говоришь? Тебе ее немцы снимут, если попадешь к ним. Где потерял манок?

— Не знаю. Может, когда с пацанами дрался?

— Чего дрались-то?

— Да по мелочи. Махру не поделили. Ты к себе пустишь?

Лесин еще раз осмотрелся. Он был опытным разведчиком, дрался с японцами в Маньчжурии, участвовал в Финской войне. Посторонних наблюдателей рядом не было.

— Подходи и ложись рядом.

Парень нырнул в кусты, лег рядом с красноармейцем, протянул руку к автомату, за что тут же получил оплеуху.

— Не трогай, не игрушка.

— Да я уже стрелял из такого.

— Когда успел?

— Витюха Горбунов из сельхозкооператива в дальней роще нашел. Там был склад части, что стояла на окраине поселка. Уходя, его взорвали, но кое-что осталось целым. Витюха там лазал, нашел «ППШ» и диск. Мы в враге пальнули по бутылкам

и еле ноги унесли. Полицаи вмиг сбежались на выстрелы.

Лесин покачал головой:

— Нашли забаву. Автомат полиция забрала?

— Наверное. Мы бросили его.

— Ладно, с чем пришел?

Парень шмыгнул носом:

— Дядька Кисель прислал.

— Понятно, что не бургомистр или комендант.

С чем конкретно пришел?

— Дядька Кисель просил передать, что в семь тридцать на станцию прибыл воинский эшелон. Там платформа с охраной и пулеметом, еще четыре с бронетранспортерами. Они накрыты тентами, но те местами порвались, видно. Я забыл, как дядька Кисель их называл.

— «Ханомаг».

— Да, так и дядька Кисель и говорил. «Ханомаги». Их по две штуки на платформе. Еще четыре пассажирских вагона, в них солдаты и офицеры, всего сто двадцать человек. В конце состава товарный вагон. На станции возле него и платформы немцы выставили охрану.

Лесин посмотрел на парня.

— В семь тридцать пришел, говоришь?

— Ну да. Его на запасной путь загнали.

— Почему? Может, рота прибыла для размещения в поселке?

— Нет, тогда состав под разгрузку поставили бы. С паровозом поломка случилась. Комендант на станцию прибыл с полицаями и немецкими офицерами. В общем, дядька Кисель сказал: передай

в лес, мол, что эшелон простоит на станции до утра. Отправление назначено на десять часов. До этого ремонтники обещали починить паровоз.

— А что, на станции других паровозов нет?

— Он большой, «ИС» называется. У нас таких нет, а с Харькова гнать накладно.

— Откуда и куда следует эшелон, Кисель сказал?

— Да. Из Полтавы в Харьков.

— Ладно. Ты устал, наверное, да? Все же двенадцать верст протопал.

— Я привыкший.

— Есть хочешь?

— Это да. И пить.

Боец указал на вещмешок.

— Возьми там банку каши, флягу с водой, сухари. Перекуси и поспи за большим кустом.

— Перекушу с удовольствием, а спать тут не буду.

— Почему?

— Тут в двух верстах озерцо. Туда пойду. Посплю, порыбачу на вечерней зорьке. Сейчас карась хорошо идет.

— Чем ловить-то будешь? Или гранату из подорванного склада утащил? Решил глушануть?

— Я дурак? Леска у меня есть, грузила, крючки, удилище из ветки орешника сделаю, поплавок вырежу.

— Ты запасливый.

Четырнадцатилетний паренек, как-то сразу повзрослевший с приходом гитлеровцев, вздохнул и проговорил:

— Будешь тут запасливым, при новой власти. Хотя мы и раньше худо жили. Батяня помер в тридцать восьмом году. Мать работала в бухгалтерии ватной фабрики. Она и сейчас там. Все те же гроши получает.

— Отца арестовали, что ли?

— Нет. Сам помер. От чахотки. Мне тогда десять лет было. Помню, батя мужиком крепким, здоровым был, лес валил для деревообрабатывающей фабрики. А потом зимой простыл на работе. Сначала подкашливал, жаловался на головную боль, а потом так похудел, что не узнать, и все время кашлял с кровью. Ну и помер.

— Извини.

Парень с удивлением посмотрел на бойца.

— За что? В этом никто не виноват.

— А что мать замуж второй раз не вышла?

— Вот это не твое дело.

— Ладно.

Связной перекусил, напился, все, что осталось, аккуратно сложил в вещмешок.

— Я горбушку возьму для рыбалки, а то кто знает, накопаю червя или нет, — сказал он.

— Бери.

Кирюха осмотрелся и заявил:

— Я вот одного не пойму. Мужики на деревне говорили, что Лухово болото непроходимое. Где же тогда ваш лагерь?

— Тебе этого знать не надо.

— Оно понятно, но интересно.

— Ты знаешь, что приключилось с любопытной Варварой?

— Знаю. Нашей соседке Варьке Терновой не только нос оторвать надо. Стоило бы и вообще прибить ее.

— Чего так?

— Да замучила уже! Сено у нас по ночам тащит Варька. А что против сделаешь? Хахаль-то ее Петька Клинько полицай, он при власти. — Парень сплюнул на землю. — А нам это сено ой как тяжело дается. Вдвоем и косим, и скирдуюем. Хорошо, сосед иной раз помогает. Он отцу другом был. Корову-то кормить надо. Она хоть и старая, но молоко покуда дает. А насчет болота я чего интересуюсь. У Витюхи дед древний, под сто лет уже. Помнит еще Царя-освободителя, того, что крепостное право отменил. Он на германской воевал, ноги лишился, пережил революцию, Гражданскую войну, видал, как колхозы собирались. Много чего помнит. Среди всего прочего и то, как церковь в заброшенном селе Боровка рушили. Священник успел все ценное оттуда вывезти и, как люди думали, притопил в болоте. Его, понятное дело, расстреляли, дом под сельсовет забрали. А на селе тогда один упырь жил, как звать, не помню. Ну и решил он отыскать клад попа. Далеко спрятать золото, серебро и иконы тот не мог. Стал мужик ошупывать болото от села вглубь леса. Сына помощником с собой взял. Тот и рассказал, как отец слегой в одном месте вроде на что-то наткнулся и решил зайти в болото. Шаг сделал и провалился по грудь. Сын хотел к нему дерево нагнуть, да не успел, затащила топь в момент. Потому и удивляюсь. Болото непроходимое, а вы тут обжились.

Лесин поморщился.

— Забудь об этом. Где мы, чего мы, тебя не касается.

— Зря злишься. Спросил просто. Не хочешь, не говори, но странно все одно. Закурить хочешь?

Паренек наступил на больную мозоль.

— Что, угостить можешь?

— Могу. — Кирюха достал из кармана пачку немецких сигарет «Рамзес».

— Откуда они у тебя?

— Знамо не на рынке купил. У немецкого унтера стянул, когда тот пиво в заведении на Купеческой улице пил. Кружку и пачку на столе оставил, а сам в сортир ушел. Ну я и забрал. Там была еще зажигалка, с орлом таким и какими-то большими буквами. Я ее на буханку хлеба променял.

— С ума сошел! А если бы поймали? Знаешь, что за это полагается?

— Я аккуратно, никто не видел. Так будешь?

— Нет. И тебе запрещаю. Во-первых, нельзя тут курить, во-вторых, мал ты еще.

Парень усмехнулся:

— Да я с двенадцати лет курю.

— Ну и дурак.

— Не обзывайся. Ладно, пойду я!

— Если решил порыбачить, то в поселок попадешь, когда комендантский час начнется.

— И что? Мы на Старой улице живем, это за железной дорогой, можно сказать, отдельно от поселка. Полицаи там редко бывают. Они все больше в центре.

— А соседской бабы сожитель?

— Тот, когда приходит со службы, нажирается

до чертиков вместе с теткой Варькой. Ему ни до чего дела нет, когда не надо сено наше воровать. Дойду, а и поймают, найду чего сказать. Хотя бы то, что сосед за самогоном послал.

— Лучше не попадайся и обойдись без рыбалки.

— А вот это уже мое дело.

— Ладно, иди.

— Дядьке Киселю чего передать?

— Был у нас, все сказал.

— Угу! Ну давай, дядька, неси службу.

Парень отполз от дозорного, встал, подтянул штаны и побежал через поляну, только голые пятки засверкали.

Проводив его взглядом, красноармеец Лесин повернулся к болоту, трижды крикнул кукушкой и услышал тот же ответ.

Вскоре на пост вышел командир группы «Удар-15» капитан Рябинин.

Свободный проход по болоту на самом деле объяснялся просто. Топь в этом районе изобиловала островами, в основном малыми, но был и довольно большой, Глухой, как называли его советские диверсанты. Он находился в восьмистах метрах от того края болота, где стоял пост. На полпути к нему располагался невеликий остров Белый, именуемый так из-за того, что на нем росли одни березы. Острова и сушу соединяла гать, затопленная на пять-десять сантиметров, способная пропустить группу, состоящую из пятнадцати вооруженных бойцов.

На острове Глухом и находилась база. Она была оборудована еще в 1940 году, когда руководство

страны уже предполагало нападение германских и союзных Гитлеру войск. Такие базы создавались в Белоруссии, на Украине, на Брянщине, в других районах и областях. Работа эта была засекречена. В таких местах должны были располагаться штабы партизанских отрядов.

Рябинин прилег рядом с Лесиным и спросил:

— Что у тебя, Женя?

— Посланец от Киселя был.

— Кирюха?

— Он.

— Шустрый малый.

Красноармеец кивнул:

— Шустрый, но бесшабашный. Пачку сигарет с зажигалкой у немецкого унтера увел, комендантский час нарушает. А попадет к коменданту поселка? Ведь пыток не выдержит, расскажет все!

— А что он может рассказать? Что приходил сюда, якобы встречался с бойцом Красной армии из какой-то группы, сосредоточенной где-то в болотах? Приведут его на это место и что увидят? Лес, елань, болото.

— Могут подстраховаться и авиацию навести на Глухой!

— Больше немецкому командованию заниматься нечем, как бомбить болото. Но ты прав. Надо поручить Киселю присматривать за пацаном. Я с ним и сам поговорю.

— А надо ему знать командира группы?

— Пусть его. Опознать меня в дальнейшем он сможет только мертвым. Как и всех нас. Ты же прекрасно знаешь приказ: живыми в плен не сда-

ваться. Но не будем о грустном. Что передал Кисель?

Лесин доложил командиру о том, что рассказал Кирюха Легаев.

Тот ненадолго задумался, жуя травинку, затем проговорил:

— Значит, эшелон с пехотной ротой. Или смешанного состава. Два взвода могут быть механизированными и два — стрелковыми. — Он достал карту, развернул ее. — Стало быть, завтра в десять эшелон пойдет в сторону Харькова. Это по мосту через Копинку, которая впадает в Северский Донец. Он в километре от восточной окраины поселка. Слишком близко. Хотя бы на километр дальше, тогда был бы шанс рвануть и эшелон, и мост. Сразу убили бы двух зайцев. Но придется по отдельности.

— Нам предстоит подорвать и мост? — спросил Лесин.

Капитан усмехнулся и ответил:

— Нам много чего предстоит сделать, Женя. Ты до четырнадцати часов несешь службу?

— Так точно!

— Кто меняет?

— Младший сержант Кротов. Ему стоять до двадцати двух. Потом...

Капитан прервал дозорного:

— А потом суп с котом.

— Не понял. С каким котом?

— Я шучу, неужели непонятно?

— Вас поймешь. Один вопрос разрешите?

— Давай.

— Когда мы наконец приступим к работе? На этом болоте от скуки сдохнуть можно, да еще и лихорадку подцепить.

— Тебя перед переброской не прививали?

— Прививали.

— Тогда какая лихорадка? А с ума сойти от тоски ты не успеешь. Вот завтра и проведем первую операцию под кодовым названием «Эшелон». Как тебе такая работа?

Красноармеец пожал плечами:

— Нормально. Значит, займемся эшелоном?

— Надо же с чего-то начать. Но все, я на базу. Внимательней тут. Кирюха надежный парень, но все же пацан еще. А в комендатуре не просто так сидит унтерштурмфюрер Зигель. Для чего в районном центре нужен этот офицер, да еще и прибывший из Харькова? Точно не так просто, он контрразведчик. Немцы наверняка имеют информацию о переброске в их тыл многочисленной разведывательно-диверсионной группировки, в том числе и нашего отряда «Удар». Но точных данных по базам и задачам отрядов и групп у них быть не может. Вот и направляют они в населенные пункты контрразведчиков, которые должны выявлять противника в своем тылу. Если к унтерштурмфюреру попадет Кирюха, то ему не жить. А других каналов связи с агентом Киселем у нас нет. Поэтому пацана надо прикрыть. Значит, требуется подставить вместо него кого-то другого. Кандидата следует обговорить с Киселем.

— Кирюха тут жаловался, что соседка его Варька ворует у них с матерью сено. Она сожительствует

с полицаем, самогонку с ним пьет. Такую мерзавку нисколько не жалко. Пусть этот унтерштурмфюрер ее и заполучит.

— А что? Вполне подходящий вариант. Но я сам приму решение. За информацию благодарю.

— Это Кирюху благодарить надо.

— И его отблагодарим. Вообще-то надо менять связного, но на кого? Не понимаю, почему руководство при планировании операции не позаботилось о более надежном канале получения разведанных. Но уже ничего не изменишь. Придется самим исправлять ситуацию. Я возвращаюсь.

— Прикрываю!

Капитан усмехнулся и спросил:

— От кого?

— От противника.

— Понятно. Прикрывай.

Капитан Рябинин вернулся на базу и сразу же вызвал к себе заместителя, старшего лейтенанта Александра Федорова, лейтенанта Якова Маслова, руководившего боевой командой, и старшину Василия Гринько, отвечавшего за саперов. Они собрались в штабном блиндаже за самодельным столом, окруженным лавками.

Командир группы развернул карту и довел до подчиненных информацию, полученную из Копино.

— Исходя из того, что мы имеем, приказываю подорвать к чертовой матери этот эшелон! — заявил он. — Для чего лейтенанту Маслову взять с собой двоих бойцов, один пулемет Дегтярева, три диска

к нему и выдвинуться вот в этот район. Смотри, Яша, карту.

Лейтенант глянул на нее и спросил:

— Это в восьми километрах от моста через Копинку?

— Точно так. Патрули охранной роты обычно осматривают пути на расстоянии до пяти километров от станции. В этот раз они могут быть усилены и проехать дальше. Однако в указанном районе до места, куда пойдет группа Маслова, тянется низина. После дождей там трактор нужен, даже бронетранспортеру пройти сложно, а мотоциклам и автомобилям — невозможно. Задача группе: разведка участка от светофора на триста метров юго-восточнее вдоль путей. Определение позиций и секторов обстрела места предполагаемого нападения. В общем, тебе, Яша, надо определиться, где разместиться всей группе, чтобы произвести минирование полотна, подрыв рельсов и уничтожение живой силы, находящейся в эшелоне, если таковая останется после подрыва.

Маслов кивнул:

— Понял. Когда выход?

— Исходя из того, что по прямой лесом твоей команде предстоит пройти восемь километров при скорости три километра в час, выход назначую на двадцать часов. В заданный район выйти к двадцати трем, после привала провести разведку и отдохнуть до семи утра. Выставлять охранение или нет, решишь сам на месте. С собой взять консервы, хлеб, воду для ужина и завтрака. Задача ясна?

— Так точно!

— Хорошо. После совещания младшему сержанту Кротову и красноармейцу Табиеву прибыть ко мне. Я поставлю им задачу для работы непосредственно в Копино.

Офицеры и старшина переглянулись, но вопросов никто не задал.

Командир группы продолжил:

— После решения задачи в Копино названные бойцы вольются в мою команду. В нее кроме меня входят заместитель и саперы. — Рябинин взглянул на Гринько: — Тебе, старшина, надо будет выслать одного из твоих людей на пост вместо Кротова, который должен заступить в наряд в четырнадцать часов. Пусть он сидит там до двадцати двух. Затем на пост выйдет санинструктор. — Капитан взглянул на заместителя: — Обеспечишь, Саша?

— Да, командир.

— Второй команде, что пойдет со мной, отбой в двадцать три, подъем в четыре. Полчаса на приведение в порядок, быстрый перекус и выход к Маслову в восемь часов. Федотов, возьми с собой второй пулемет и тоже три диска. По пути подберем Кротова и Табиева. В итоге вся группа, за исключением санинструктора, который выйдет на пост, и связиста, с восьми часов должна быть в районе проведения диверсии. Там уточнение задачи, если понадобится. Думаю, не стоит напоминать о том, что взять с собой саперам.

Старшина Гринько улыбнулся:

— Мы знаем, что потребуется для подрыва этого эшелона.

— Ну и хорошо. Кротова и Табиева ко мне. Свободны, готовьтесь.

Заместитель поднялся:

— Один вопрос, командир.

— Давай.

— Если санинструктор Воблин, который у нас еще и повар, уйдет на пост, то ужин и завтрак не готовим?

— Обойдемся сухим пайком.

— Понял.

— Еще вопросы?

Таковых не было. Офицеры и старшина вышли из блиндажа.

Появился радист сержант Жуков, на время совещания выставленный командиром из блиндажа.

— Товарищ капитан, я могу занять свое место?

— Погуляй пока, подыши свежим воздухом, я позову.

— Какой здесь свежий воздух? Вонь от болота.

— Ты не понял?

— Понял.

Спустя десять минут в штабной блиндаж заглянул младший сержант Кротов.

— Разрешите, товарищ капитан?

— Входи.

Кротов вошел, за ним Табиев.

Командир группы указал им на скамью:

— Садитесь.

Бойцы команды Маслова расположились напротив Рябинина.

Тот поднялся, потянулся и проговорил:

— Информацию из поселка нам доставляет связной. Это четырнадцатилетний пацан, зовут его Кирюха Легаев. Он с матерью живет на улице Старой, это за станцией, смотрите схему Копино, дом девятнадцать. А по соседству, в доме номер двадцать, обитает некая Варвара Тернова, с которой сожительствует полицай Петр Клинько. Сами понимаете, у связного ответственность огромная. Попадется фашистам, через все круги ада пройдет до виселицы. Да и мать его тоже. Мне неизвестно, почему командование назначило связным четырнадцатилетнего пацана. Видимо, было сочтено, что он меньше внимания будет привлекать. Не мне обсуждать решения командования, однако считаю, что надо защитить паренька.

— Как? — в один голос спросили младший сержант и красноармеец.

— Есть план. — Капитан говорил недолго, закончил и спросил: — Что скажете, ребята?

Кротов пожал плечами:

— Нормальный план. Должен сработать, а не выйдет, то пацан все равно в стороне останется.

— Значит, тогда так. Вот вам карта местности, на которую нанесен ложный район базирования нашей группы для дезинформации противника и реальное место засады на эшелон. Выходите в шестнадцать часов, следуете по указанному маршруту. К восьми вечера вы должны быть в саду подворья Варвары. Отрабатываете полицай в доме либо рядом с ним. Второй вариант лучше. Если придется действовать в хате, то Варвару силком напоить так, чтобы к утру ни хрена не помнила. Ну а дальше по

плану. Отдыхайте с краю заброшенного села Боровка. С шести утра быть тут. — Капитан указал место на настоящей карте. — Подойдет моя группа, отправитесь с нами. Дальнейшую задачу определю по ходу движения. Вопросы?

— Нам спирт отсюда взять? — осведомился Табиев.

— Возьмите на всякий случай. Но по словам Кирюхи выходит, что эта парочка пьет каждый день. Полицай со службы приходит уже хорошо поддатый. Наверняка Варвара гонит самогон. Не будет его, воспользуйтесь спиртом.

— Ясно.

— Если вопросов нет, готовьтесь. Удачи вам.

— Спасибо.

Отпустив бойцов, командир группы позвал связиста и спросил:

— Надышался свежим воздухом, сержант?

— По самое не могу.

— Занимай свое место.

Николай Жуков сел на табурет, за стол, на котором стояла радиостанция «Метеор», способная поддерживать связь на расстоянии до тысячи километров при выставленной лучевой антенне длиной до шестнадцати метров. Все было отлажено. Рядом со станцией лежали головные телефоны, ключ передатчика.

Командир проговорил:

— Начиная с шестнадцати часов и до пяти утра подразделение малыми группами уйдет отсюда. На посту останется санинструктор, на самой базе — ты. Сеансы до шестнадцати завтра не запланированы,

но случиться может всякое. Посему принимай шифрограммы и отвечай, что группа на боевом выходе, возвратится ориентировочно поздно вечером.

— Понял.

— Ну и славненько. Пойду и я подышу свежим воздухом.

Связист усмехнулся:

— Подышите, товарищ капитан. Где вы еще такой воздух найдете?

Ровно в 16 часов младший сержант Кротов и красноармеец Табиев вышли к посту охранения, где службу нес сапер Геннадий Семенов.

Он обернулся на хлипанье воды под гатью.

— Не замерз, Гена? — спросил Кротов.

— Шуткуешь? Это хорошо. Будет ли вам до шуток там, куда идете?

— Посмотрим.

— Удачи вам.

— Ты тут смотри внимательно, Гена, а то придем, а с поста твоего по нам немцы из пулемета врежут короткими очередями.

— Не беспокойся. Если что, отойду на Белый остров и сигнал подам дымом.

— Лучше без этого обойтись. Ладно, пошли мы.

— Счастливо.

Кротов и Табиев в одежде обычных горожан, вооруженные только пистолетами «ТТ», двумя гранатами «Ф-1» и ножами, перебежали поляну и скрылись в лесу, там, где начиналась еле заметная тропа.

До брода через речку Копинку они дошли за три часа, сняли сапоги, завернули штаны, перепра-

вились на другой берег. Потом бойцы обогнули поселок с юга, выбрались к кустам у оврага, тянувшегося метрах в ста от садов и огородов улицы Старой, залегли в удобной канаве.

Кротов осмотрел дворы и заявил:

— Так, вон тот, который нам нужен. В овраг и к поселку за мной марш!

Бойцы прошли через овраг, огород, перепрыгнули через плетень и оказались в небольшом саду. Потом они пробрались на задний двор, к двери, ведущей в сени.

Навстречу им вышла женщина, с виду не самая молодая.

Она сразу не поняла, кто перед ней, и промямлила:

— Это чего?..

— Тихо, Варвара, свои мы.

— Какие свои? — Она икнула. — Я вас не знаю.

— В дом пошли, чтобы соседи не видели.

— А мне в сортир надо.

— Так давай быстрее.

Плохо сориентировавшаяся женщина сходила по нужде, вернулась и спросила:

— А вы кто есть-то?

— Друзья Петра.

— У него нет друзей.

— Идем в хату, там объясню. Кстати, Петр не приходил еще?

— Нет.

Табиев взял Варвару под руку, завел в сени. Младший сержант Кротов осмотрелся, прошел

вслед за ними, в комнате усадил Варвару за стол. Табиев встал у окна, из которого была видна улица.

— Из леса мы, — сказал Кротов.

— Чего? — Варвара трезвела на глазах. — Из леса? Но ведь там... вы партизаны?

— А кто же сейчас живет в лесу? Разве Петр не говорил тебе, что он на нас работает?

— Петр на партизан?

— До тебя плохо доходит.

— В голове муть, ничего не понимаю. Так Петя партизан?

— Ну да. — Кротов усмехнулся и добавил: — В полицию специально устроился.

— Вот же сволочь!

— С чего это сволочь?

Варвара поняла, что сказала не то, что следовало.

— Сволочь, что скрывал от меня.

— Не хотел впутывать тебя в свои дела. Может, и правильно, хотя, если что, немцы вас обоих повесят. Так что ты лучше помалкивай.

— Кому мне говорить-то?

— Вот и хорошо. Когда Петр должен прийти?

Женщина посмотрела на часы с кукушкой.

— Да уже должен, если на службе не задержат.

— Дождемся.

Варвара скривилась и спросила:

— А чего вы раньше не приходили?

— Не было надобности. Теперь она появилась.

— Да-да, дела у вас. А я пока выпью.

Тетку начал бить озноб. Ее сожителю партизан? Это не шутки. Она видела немецкие листовки, где

было написано, что за укрывательство и помощь партизанам наказание только одно — смертная казнь.

Варвара достала из шкафчика бутылку самогона.

— Не много будет? — спросил Табиев.

— Так не только для себя.

— Мы не будем.

— Ну и ладно.

Она налила полный стакан, выпила. На столе стояла миска с соленостями, лежал хлеб.

Женщина поморщилась, закусила и заявила:

— Вы вот что, люди добрые, больше в мою хату не приходите.

— Так мы не к тебе, к Петру.

— Его тут больше не будет. Кончилась наша любовь. Да, вся вышла. — Она выпила еще стакан.

Табиев от окна сказал:

— А вот и Петька Клинько нарисовался. Он тоже под градусом.

Это был сигнал для Кротова.

Тот повалил Варвару на пол, зажал нос. Когда она открыла рот, он стал вливать ей самогон, давая мгновения на вдох. Тетка тут же отрубилась.

Кротов бросил ее на кровать, стоявшую между печью и стеной, задернул занавес, бутылку пристроил на стол и приказал:

— Равиль, в спальню! Готовь тряпку с эфиром.

— Угу!

Бойцы зашли в небольшую комнату с деревянной кроватью, встали у входа.

Полицай поднялся на крыльцо, открыл дверь.

— Варька, чего не встречаешь? Вот мать твою, опять нажралась, что ли?

Ответа он не дождался, забрел в комнату, отдернул занавеску, увидел женщину на кровати.

— Так и есть, нажралась. Ничего, я приведу тебя в чувство. — Он повернулся и открыл рот от изумления.

Перед ним стояли незнакомые мужики, да не просто так, а с пистолетами.

— Руки в гору! — приказал Кротов.

Полицай бросил взгляд на окно, и Табиев тут же предупредил его:

— Дернешься, пристрелю!

— Кто вы такие?

— Неважно.

— Обыщи его. Оружие забери, — сказал Кротов товарищу.

— А что брать-то? Он винтовку в сенях оставил.

— А была винтовка?

— Была.

— Все одно обыщи.

Табиев подошел к полицаяу и приложил к физиономии платок, смоченный эфиром. Тот дернулся, но боец диверсионной группы крепко держал его. Скоро тело Клинько обмякло.

Табиев усадил этого бесчувственного типа к печи, повернулся к младшему сержанту и спросил:

— Дальше чего, Слава?

— Поди глянь в сарай, что за живность у этой Варвары. Для кого она сено у соседей воровала. И вообще осмотри двор.

Табиев вернулся быстро и доложил:

— В сарае лошадь, за баней телега.

— Отлично, — заявил Кротов. — Я уже думал, что придется нам тащить на себе этого борова.

— Уходим?

— Подождем до темноты.

В десятом часу вечера бойцы выгнали лошадь во двор. Кротов запряг телегу, положил в нее сена, нагнулся к Клинько, засунул ему под мундир карту, на которой капитан Рябинин отметил место засады на эшелон. Тело они забросили в телегу и отправились в путь.

Около полуночи бойцы остановили лошадь у крайней хаты заброшенного села Боровка. До утра полицай просыпался дважды, и оба раза они его вновь усыпляли.

В шесть часов Кротов и Табиев оказались на грунтовке, ведущей к железной дороге. Через двадцать минут к ним подошли люди, ведомые командиром группы. Саперы несли на себе объемные рюкзаки и личное оружие. У них же были и «ППШ» товарищей, вернувшихся с особого задания.

— Все в порядке, товарищ капитан, — доложил младший сержант. — Варвара проснется часов в восемь. Пока придет в себя, похмелится, вспомнит, что было вечером, обнаружит отсутствие сожителя, лошади и телеги, пройдет не менее часа. Пойдет ли сразу к коменданту? Вряд ли, сначала обдумает все. Но даже если и пойдет, то гауптман Баур будет занят отправкой эшелона. В полицию ей хода нет. Кто знает, один ли ее Петруха связан с партизанами? — Кротов усмехнулся.

— Что с полицаем? — спросил Рябинин.

— То, что и должно быть. Отработали по плану. У бабы в хозяйстве была лошадь и старая телега. Сейчас Петр Клинько спокойно спит на сене, проваливается до полудня. Равиль ему солидную дозу эфира в морду сунул. Лошадь и телегу мы поставили у крайнего дома. В общем, все сделали именно так, как нам было приказано. Если желаете, можете убедиться.

— Нет времени. Да и верю я вам. Забирайте оружие. Продолжаем марш к месту засады.

Четыре километра с гаком они прошли за полтора часа.

На опушке леса, через который проходила железная дорога, саперов во главе с командиром отряда встретил лейтенант Маслов и доложил:

— Товарищ капитан, у нас порядок, разведку провели, в округе спокойно. На рассвете к низине, к лесу, подъезжали два мотоциклиста. Постояли, покурили, посмотрели на пути и подались обратно. Позиции мы выбрали.

— Веди туда.

Группа вышла на окраину леса, за которой вдоль полотна тянулась зона отчуждения.

— Здесь ваше место, — сказал Маслов.

Рябинин подозвал старшину Гринько:

— Быстро, Василий, определяйся с точками закладки взрывчатки и приступай к минированию железной дороги.

— Сколько ставить мин?

— Три. Под паровоз, середину состава и конец, где будут пассажирские вагоны.

— Понял.

Рябинин с Федотовым и Масловым присели на плащ-палатку, расстеленную на земле.

Командир группы развернул карту.

— Длина эшелона с платформой отделения охраны составляет примерно двести тридцать метров. Подрывы снесут весь состав в кювет. Если в последнем грузовом вагоне находятся боеприпасы, то они детонируют.

Заместитель вздохнул и проговорил:

— Я бы не был так уверен в этом.

— Ну тогда мы поможем им детонировать. Итак, лейтенант, где у тебя позиции боевой команды?

Тот показал на карте.

— Понятно. В принципе там, где и должны быть.

— Я тоже могу считать, — с улыбкой проговорил Маслов.

— Значит, на крайние позиции, там, где слетит платформа с охраной, выходят старший лейтенант Федотов и красноармеец Лесин с «дегтярем», туда, где окажутся пассажирские вагоны, — лейтенант Маслов, красноармейцы Сукно и Табиев, тоже с пулеметом. К ним подойдут двое саперов. Здесь со мной остается старшина Гринько с взрывной машинкой. Младший сержант Кротов уходит лесом в сторону станции на триста метров и подает сигналы кряканьем утки. Три раза при появлении охранного подразделения, пять — эшелона. После этого он смещается к команде Маслова, к грузовому вагону. Если при опрокидывании и в результате взрыва мин боеприпасы не взорвутся, то бойцам

ударить из автоматов и вызвать детонацию. Вопросы есть?

Вопросов у офицеров и старшины не было.

— Работаем! — отдал приказ капитан Рябинин, спрятал карту и стал смотреть за действиями саперов.

Те с рюкзаками, ломиками, саперными лопатами вышли к полотну и начали закладку мин. В 9.40 Гринько доложил о готовности к подрыву эшелона. После этого его люди ушли на позиции бойцов Маслова, сменили ранцы, ломики и лопаты на автоматы «ППШ».

Наступила тишина, которая совсем скоро была прервана трехкратным кряканьем утки и гудением немецкой техники, приближавшейся к месту засады.

Старшина Гринько прислушался и проговорил:

— Идут бронетранспортеры и грузовик, наверняка со взводом охранной роты. «Ханوماги» пройдут низину. А солдаты могут спешиться и пойти пешком.

— Зачем? В транспортерах по отделению солдат. Но мы подстрахуемся. Передай по команде, что если пехота немцев пойдет в лес, то всей группе отход в глубину и возвращение на позиции при приближении эшелона.

— А если немцы как раз тут выйдут и будут ждать, пока пройдет эшелон? — спросил старшина. — Это, конечно, маловероятно, но в принципе может быть.

— Тогда бросим все и уйдем. Будем готовить операцию «Мост».

Два взвода охранной роты дошли до низины, офицеры посмотрели на грязь, что-то крикнули. Пулеметы дали очереди по лесу, никого не задев-шие. Техника развернулась и пошла обратно к стан-ции. Гитлеровцы явно не ожидали нападения. Ко-пинский район считался спокойным.

Еще не стих гул бронетранспортеров, как над лесом пять раз прокрякала утка.

— Ну вот и начинается, — произнес Рябинин. — У тебя, старшина, машинка не откажет в самый не-подходящий момент?

— Нет. Я за ней слежу так, как некоторые за оружием не присматривают.

— Смотри! Обидно будет. Условия созданы, а эшелон пройдет.

— Не пройдет.

Уже был виден дым паровозной трубы, слышно пыхтенье и стук колес по рельсам.

Капитан перевел затвор в заднее положение.

Состав вошел в зону минирования. На передней платформе громоздились мешки с песком, за ними солдаты, расчет пулемета «МГ».

Гринько дождался, пока паровоз зайдет на ми-ну, и повернул ключ до упора по часовой стрелке.

Три мощных взрыва прогремели одновре-менно. Паровоз вместе с рельсами слетел в кювет, за ним и все вагоны. Перевернулись, сорвав кре-пления, бронетранспортеры, разлетелись в сторо-ны гусеницы и колеса, взорвались баки. Они при транспортировке должны быть залиты полностью. Немцы народ педантичный, все сделали на со-весть. На платформах находились и бочки с за-

пасным горючим, которые рванули вслед за баками.

По гитлеровцам, уцелевшим при крушении, ударили пулемет Лесина и автомат Федотова. Охрану они уничтожили быстро, да и с ротой долго возиться не пришлось. Половина ее погибла при перевертывании вагонов. Около пятидесяти человек, кто с оружием, кто без, деморализованные, дезорганизованные, испуганные, шокированные, выбрались в зону отчуждения со стороны засады. Саперы направили взрывы так, что состав улетел налево по ходу движения.

Объявился и офицер, обер-лейтенант, который пытался организовать толпу, что-то кричал. Пули, выпущенные Кротовым, пробили его разорванный китель.

Открыли огонь и все остальные. Немцы заметались, часть тут же упала, остальным тоже укрыться было негде. Вдогонку очередям в зону отчуждения полетели мощные оборонительные гранаты «Ф-1». Бой, если так можно назвать прямой расстрел диверсантами личного состава пехотной роты, длился всего десять минут. Затем все смолкло.

Рябинин выкрикнул команду, и к вагонам устремились бойцы команды Маслова. Застучали «ППШ», прогремели два взрыва. Бойцы добивали немцев, выживших в вагонах.

Гринько с удовольствием смотрел, как горят перевернутые, искореженные бронетранспортеры.

— Вот это дело! — заявил он. — Восемь таких железяк, это вам не шутка. — Старшина на мгнове-

ние застыл, а потом воскликнул: — А там что еще за черти?

Из-за паровоза встали двое мужчин, державшие на руках третьего.

— Может, выжившая охрана на платформах с бронетранспортерами? Валить их?

Тут раздался крик одного из этих людей:

— Братцы, не стреляйте! Бригада паровоза мы.

Гринько посмотрел на Рябинина.

— Ни хрена себе! Как уцелели?

— А черт их знает.

— Нашли тоже братцев. Фашистам служат, нет бы в лес уйти, создать партизанский отряд.

— Их заставили, но ладно, прикрывай меня.

Капитан подошел к железнодорожникам и спросил:

— С вами не было немцев?

— Был один, так его прибило взрывом.

— А вы выжили?

— Да уж, смилостивился Господь.

— Тащите своего человека на станцию. Будут спрашивать, никого из нас вы не видели. Понятно?

— Да. Носилки сделаем и пойдем.

— Это ваше дело. — Рябинин повернулся к лесу и крикнул: — Внимание, группа, отход!

ГЛАВА 2

Варвара проснулась около девяти утра, села на кровати и тряхнула растрепанной головой, отчего ее чуть не вырвало. Она осмотрелась. В ком-

нате бардак, на столе ополовиненная бутылка самогона.

— Петька?! — крикнула женщина, не услышала ответа и все вспомнила. — Ах ты мать мою за ногу! Петруха-то на партизан работает. С ними и ушел, наверное. А я, выходит, пособница. За это расстрел. Ну уж нет, не будет этого, — сказала она самой себе.

Женщина встала с кровати, шагнула к столу и взялась за бутылку, но подумала и поставила ее обратно. Умывшись и причесавшись, она бросилась вон из дома, перебежала по переходу пути у станции, выскочила на Купеческую улицу, по ней долетела до площади Освобождения, бывшей Ленина, свернула к управе.

Ее остановил полицай Алексей Козарев. Варвара знала его и других сослуживцев своего сожителя.

— Куда, Варька? Стоять!

— Да чего стоять-то? Дело у меня есть до коменданта.

Полицай усмехнулся и спросил:

— Что, Петруха в морду дал? Жаловаться пришла?

— Да пошел ты!..

— Я-то пойду, когда надо будет, а ты вали подалее, посторонним сюда нельзя.

В это время из управы вышли комендант Баур и офицер в форме СС.

Варвара закричала:

— Герр гауптман! Герр комендант! У меня к вам важное дело.

Гитлеровцы переглянулись.

Эсэсовец махнул рукой полицаю, пропусти, мол.

Козарев отошел в сторону, шепнув женщине:

— Шалава!

Она ответила бы ему, но ей было не до этого.

Варвара подошла к офицерам, поправила волосы.

Комендант поморщился:

— Водка?

— Это вчера, герр гауптман.

Арман Баур не знал русского языка, но им владел унтерштурмфюрер Зигель.

— Что тебе надо, баба?

— Полицай, извините, полицейский Петр Клинько связан с партизанами.

— Что? С какими партизанами?

Напрягся и гауптман, услышав это слово.

— Не знаю, были вечером двое, потом Петька, полицейский Клинько пришел, а утром никого уже не было. Я, извините, уснула.

— А ну-ка, пойдём! Как тебя?..

— Варвара Тернова. Я за новый порядок, об этом вам любой скажет.

— За мной!

Унтерштурмфюрер кивнул коменданту, и они поднялись на второй этаж, где находился кабинет эсэсовца.

На лестнице Зигель сказал Бауру:

— Арман, вызови заместителя Вирта и начальника полиции.

Гауптман передал приказ солдатам охранной роты, которые несли службу на втором этаже.

Вскоре в кабинете эсэсовца расположились ун-